

Пролог

Не назначая ни причин, ни адресата,
приходят звуки—и рождается глагол.
Как будто грома затаённые раскаты,
как будто колокола отдалённый гул.

Ещё неясный, словно шелест вдохновенья.
Ещё случайный, как сквозняк по вечерам.
Глагол рождается, и в этом нет сомненья,
и за собой ведёт.
Так вводят в храм

слепых и немощных, страдания бегущих,
бредущих с посохом на клик, на Божий глас.
..Поэт—слуга глаголу. Что ему присуще?
Перо макать в живое—и писать для вас.

Когда нахлынет—сколько ни скули,
как ни пытайся убежать от темы,
Пегас заставит разложить тетрадь,
копытом выбьет первый стих поэмы.

Сюжет горчит, как незрелый плод,
и не спешит себе повиноваться.
Но прост сюжет. Прозрачен, как стекло.
Любили двое. Им пришлось расстаться.

Они любили, но любовь была
молниеносной. Или скороспелой.
Они расстались. Порознь жизнь пошла.
Сюжет банален? Да. Ну что же делать...

Жизнь не стремится свиться в креатив.
Прочтите вслух—и, может, на минуту
вам уловить удасться сквозь дремоту:
глагол рождён! Рождается мотив.
Они друг с другом—об руку, рядком.
И я—за ними, темою влеком.

1.

«Условимся: начало нашей встречи
не будет окончанию равно».
Шел мокрый снег. Кончался стылый вечер.
Кончался год.
Всё было решено.

«Жизнь удалась, но скука неслучайна.
Я уезжаю. Собран чемодан».
Под фонарём кривая тень качалась.
Кончался год.
Сходились поезда.

Она молчала. Смешивались тени.
Он закурил. Раскачивался дым.
«На всём—печать усталости и лени,—
подумал он.—И времени следы...»

Вдали вокзал чернел, мешая звуки.
Он подхватил тяжёлый чемодан:
«Ну всё, прощай».
В карманы спрятав руки,
она пошла. Холодная звезда

её вела.
Входила ночь без спроса.
В тени домов не видно было слёз.
Год уходил.
В бордюр уткнул колёса
автомобиль: «Подбросить? Я б подвёз.

Без денег, так. Нам по пути, похоже?»
Она вздохнула: «Вот моё окно.
Я здесь живу».
Он протянул: «Ну что же...
Спокойной ночи. И хороших снов!»—

и укатил, сердясь.
Она устало
на циферблат взглянула: «Час—как год...
Но надо жить!» Ей к дому пять кварталов
ещё идти.
Ну, пусть себе идёт.

2.

На большом перегоне
ровен поезда бег.
А в купейном вагоне
говорят о судьбе.

О злодейке и стерве,
о своей и чужой.
Неумело консервы
открывают ножом.

— Мне в Тайге пересадка
и до Томска — часы...
— Я по мужу — Горбатко,
а по знаку — Весы.
— В Томске — дочка и внучек.
Зять их бросил, мизгирь.
— Муж уехал, соскучив.
Надоела Сибирь.
— Жили — радостно глазу.
Внучек рос женихом.
— Сам-то родом с Кавказу,
несмотря что хохол.
— Мы считали: к молодке, —
нет, живёт бобылём.
— Как уехал — ни фотки
никогда не пошлёт...
— Внук ступил на кривую,
вот и еду на суд.
Пусть мою трудовую
в протокол занесут.

— И живу как солдатка:
жив ли, то ли пропал?
Потому мне несладко,
что с собой не позвал.

Помолчали. Консервы
пожевали, устав.
Шёл по ночи, по нервам
пассажирский состав.

3.

Он спрыгнул с полки.
Две его попутчицы
жевали сайру, судьбы теребя.
— Садитесь с нами!

«С вами не получится!» —
хотел сказать. Но удержал себя.

— Да нет, спасибо, я отвык от ужина.
Я покурю. — Он вышел покурить.
Мотало тамбур.

«Чувства их — обужены
и примитивны. Не с кем говорить».

Мотало тамбур. «Всё давно изучено.
Ты видишь чашу — думаешь: сады.
Стремишься к стрежню — увлечёт излучина...»
Он затянулся. Закачался дым.

Он усмехнулся. «Как в момент прощания,
когда фонарь послушно тень качал...
На всём — следы усталости от тцания, —
подумал он. — И времени печать.

Где мой причал? Не проплыву ли мимо я?
Оставил всё. Что обрету? И как?»
Он шёл в купе. Над ним плыла, незримая,
тоска такая... странная тоска.

4.

В дверь позвонили.
— Кто там?
— Новый год.
— Ну как же можно без предупреждения?!
Я не одета, в доме кавардак,
и ничего не собрано на ужин!
Сейчас, минутку... Боже, что несу?!
Как может год ждать целую минуту?!..

Она проснулась. Сон катился вслед.
Звонили в дверь. Накинула халатик,
спросила:
— Кто?
— Вам телеграмма.
— Что?!
— Вам телеграмма!
— Что за телеграмма?
— Прочесть?
— Прочтите.
— Что ж, сейчас прочту:
«Жизнь удалась, но скука неслучайна...»

Она проснулась. Влажной рукой
отёрла лоб.
Звонили в дверь.
«О Боже!
Теперь не сон, надеюсь!» Пел звонок.
Курьер стоял, держа в объятьях ёлку,
спелёнатую плёнкой. Проворчал:
— Звоню-звоню — как умерли, ей-Богу!
Я ж говорил: с утра — сначала к вам,
потом — к другим. Теряю с вами время!
Вот, распишитесь. Нет, не тут — вот здесь! —
И улыбнулся: — Ёлочка — что надо!
Ещё вчера в лесу она росла!
Она черкнула, протянула руки —
пропал курьер, и ёлка в лес сбежала!

Она проснулась.
Свет не бил в окно.
Стояла ночь. Звонок молчал над дверью.
И Новый год ещё не подошёл
так близко, чтоб о нём хотелось помнить.

5.

Ёлку наряжала — и пела.
На стволе смола слезой кипела.

Песня

*Влажный блеск зелёной чешуи,
лампочек оранжевые нимбы.
Ёлка, словно пойманная рыба,
тихо плавниками шевелит.
Так и ты: запуталась в сети —
не уплыть, не скрыться, не уйти.*

*Пихта на тебя глядит с укором:
«Что ж ты плачешь в Новый год одна?
Всё грустишь о призраке, который
не связал тебя, но спеленал?
Нацеди вина в литой хрусталь.
Что грустить о том, чему не стать?»*

*Ветер белый снег взбивает в пену.
Пляшет новогодний снеговой
и трубит о скорых переменах.
Ты послушай. Ты ему поверь.
Боль, что пастухом твоим была,
он смахнёт, как крошки со стола.*

*Новый год, и цитрусовый запах,
мандаринов детские бока.
Пихта держит шар в зелёных лапах.
Дотянись, придвинь к нему бокал.
Отражение плавится в стекле.
Это твой полночный сомелье.*

*Всё прошло, чему должно проститься.
Всё ушло, чему дано — не быть.
Я листаю новые страницы —
те, что не успел досочинить.
Белый снег летит во все века.
Снеговик! Намнём ему бока!*

6.

*Пуржило чуть. Труба пускала дым.
Топилась печь в избе. Сидели двое.
Один, конечно, был моим героем.
Кем был второй? Да Бог с ним, со вторым.
Мы о моём герое говорим.*

*Что занесло его в тайгу и в снегопад,
где по проторенной лыжне гуляет выюга?
Судьбе не рад (и сам себе не рад),
он попытать её решил.*

*Случайным другом
ему охотник стал. В буфете на вокзале
они по сто перцовой заказали.*

- Вы не охотник?
- Он пожал плечами.
- А не хотите испытать судьбу?
- Напарник мой не вовремя отчалил.
- А что же делать?
- Да... топить избу.
- Он засмеялся:
- Ну изгиб судьбы!
- Пойду, чтоб вам не выстудить избы!

7.

- Последняя выпивка в этом году...
- Какую, старик, ты несёшь ерунду!
- «Последняя выпивка» — это ль не бред?!
- Не видел её уже тысячу лет...
- Простились. Ушла она, снегом шурша...
- И рвётся, и плачет душа.

*Не месяц, не год, а столетья бегут.
Я вмёрз, я увяз в том декабрьском снегу.
— Старик, ты в унынье приводишь меня.
Плесни по одной. И подбрось-ка огня.
— Морозом исколот, ветрами избит...
Скорбит моё сердце. Скорбит.*

*Они замолчали, понурясь, вдвоём.
Охотничий домик. Тайги окоём.
— Гитары-то нет?
— Ты меня не смеши.
Откуда гитара в таёжной глуши?
— Я спел бы...
— Так пой же! Давай, не тяни!
— Спою. Только раньше плесни.*

*И он запел негромко а капелла.
Топилась печка. В котелке кипело.*

Песня

*Что-то ищет человек под фонарём,
а фонарный свет расходится по кругу.
Зажигалку потерял или подругу?
Сам не знает. Сам никак не разберёт.*

*Пальцы бледные встречаются с травой.
Изумрудная трава блестит от света.
«Где-то здесь она... а может, здесь вот где-то...» —
и бормочет, и качает головой.*

*... Скоро осень. С веток свалится листва,
пятна ржавые сырой асфальт пометят.
Он искать не перестанет. Не заметит,
что сгорела, стала жухлою трава.*

*И помочь ему... а чем же? Вот беда!
Был бы пьяницей — я б спас его от жажды.
Мы теряем что-то главное однажды
и найти потом не можем. Никогда.*

- Какие ты странные песни поёшь...
- Кусает змея, и щетинится ёж.
- О чём ты?
- Да так. Наливай, не тяни.
Бессонные ночи. Бессрочные дни.
Другую не спеть ли? Я в форме сейчас.
- Давай. Только чтоб не погасла свеча.
- Ты не был в степи никогда?
- Не попал.
- А я у калмыков курганы копал.
Я мог бы о том написать целый том.
Но песня... она не о том.

*И он запел негромко а капелла.
Тянулась ночь. А в котелке кипело.*

Песня

*За горизонт уползает дорога.
Степь, и ковыль, и тоска.
В русском пейзаже, простом и убогом,
трудно себя отыскать.*

Трудно найти своё время и место.

Ветер и серая пыль.

Largo и largo. А хочется—presto.

Степь, и тоска, и ковыль.

Сердце скулит, словно пёс беспородный,

стынет, как старый бобыль.

Нет ни свечи, ни звезды путеводной.

Степь, и тоска, и ковыль.

Пыль разнесёт, ветер врещется в темя,

щёки затеет лупить.

Не отыскать нам ни место, ни время

в этой бескрайней степи.

Что впереди? Мне дорога—невеста.

Ветер скулит у виска.

Largo и largo. А хочется—presto.

Степь, и ковыль, и тоска.

— Свеча не погасла. Могла б от тоски...

Ты хочешь мне сердце порвать на куски?

Откуда про степь? Ты—в тайге, как в плену.

Не можешь другую—про жизнь, про весну?

Он молча курил. Слушал пламени гул.

— Другую, прости, не могу.

8. Разговор с тенью

Он поздно встал. День перешёл зенит.

Ложились тени на пустые стены.

Он загляделся на одну из них—

и усмехнулся: «Чем не собеседник?»

— Уж календарь пойдёт на третий круг

с тех пор, как волен я. Уйдя от мира,

я до сих пор покоя не обрёл.

Что есть покой? Отсутствие надежд

и невозможность поиска событий.

А я остановиться не могу:

и не ищу—так нахожу случайно.

То в степь меня забросит, то в тайгу.

То я один—то обретаю друга,

которого и видеть не хочу—

и не могу избавиться от дружбы.

Что ж—волен я?

Осенние листья,

себя воображая вольной стаей,

по осени так к югу улетают:

побуйствуют, попляшут на ветру—

потом, смирясь, похолодеют кожей,

покорно лягут под ноги прохожим.

То Бог, то чёртик крутят колесо.

То тёплый дождь надует ветер с юга,

то белый снег падёт из чёрных туч.

... Я не могу забыть, как падал снег,

как пел фонарь, отчаянно фальшивя,

и дым всходил от сигареты прочь.

Сказал, простясь: «Храни тебя Господь!»—

и верю: Он хранит её.

И боле

нет ничего—ни торжества, ни боли.

Ни радости, ни боли торжества.

На третий круг заходит календарь.

Прозрачна осень. Лист покорен палый.

Лежит—и ждёт, когда его сметут.

Грядёт октябрь. Покатятся дожди,

потом—снега... И годовые кольца

умножатся ещё одним кольцом.

Накроет новый лист календаря

и хруст ключа в замке, и сердца трепет.

Не поколеблют равновесие мира

мой волчий вой и твой тяжёлый смех.

Диван иль, в крайнем случае, квартира—

масштабы катастрофы таковы.

А то и облысевшей головы

окружность—вот и все её масштабы.

Он помолчал.

Переместилась тень.

Кончался день. В квартире потемнело.

Он думал вслух, и мысль его была

рассеянна.

И он взглянул на тень—

она дрожала, отдаваясь от света.

Он вздрогнул.

— Тень? Иль призрак прежних дней?

Тень усмехнулась, подошла вплотную:

— Ни то, ни то. Ты жизнь переменял.

Жизнь—удалась.

Но скука-то—откуда?

Он вышел в вечер.

Стыли фонари.

Стояла осень.

Глухо билось сердце.

9.

Как всё сложилось у неё? Я буду краток.

Она грустила месяц или два.

До слёз, до боли, до сердечных схваток.

Потом опомнилась: «Миг жизни сладок,

но слишком короток. И дважды два—

всегда четыре, уж таков порядок.

И надо жить. Идея не нова».

И стала жить.

Она была швейей.

Сперва обычной. Но её покрои

попали раз однажды на глаза

одной жене вельможного туза.

Жена была не просто так—жена.

Она пришла. Они поговорили...

Через полгода стало «Ателье

шикарных мод и современных линий»

ведущим брендом в регионе Е.

А конкурентов скоро задавили.

Она вошла в высокие круги—
ей эти сферы были недоступны—
и научилась пить «на ход ноги»,
курить кальян. Но замыслов преступных
не нажила. Душа осталась—той.
Не то чтоб вся блистала чистой,
но—видит Бог!—хоть дамой света стала,
не научилась лгать. Не перестала
любить былое, главным дорожа.
Она жила, призванию служа.

10.

— Красавица— ну что там говорить!
И львица, и известная шалунья...
И тайна есть!—
так говорил один
и улыбался, облако пуская.
(Курил сигару? Нет! Держал в руках
чудесный электронный испаритель.)
— И я, старик, не скрою,— продолжал,—
подъехать к ней готов на чём угодно—
хоть «Мерса» взять, да хоть «Москвич»,
ей-Богу!—
он засмеялся, облако пустил.
Тут светофор, сменивший гнев на милость,
позеленел— и он сменил педаль,
нажал на газ— и диалог прервался.

11.

На большом перегоне
ровен поезда бег.
А в плацкартном вагоне—
ни к себе, ни к тебе.

Зябнут ноги в проходе.
Свет полночный дрожит.
Он не спит. Он выводит
на стекле— миражи.

Мираж один. Ну, вот они вдвоём.
С ней. С той. Изба. И леса окоём.
Они вдвоём— и никого вокруг!..
Он встрепенулся: «Ну, увлёкся, друг...»

Замирает плацкартный,
замедляется жизнь.
Он рисует, как карту,
на стекле— миражи.

Мираж второй. Фонарь и белый снег.
Вблизи— вокзал, и поезда побег.
И сигареты тусклая звезда.
«Я уезжаю. Собран чемодан...»

Он встряхнулся: «На кой же
ты мусолишь года?
Это было, но больше
не бывать никогда.

Что ж поделать... Такая
сочинилась судьба».
Бьют колёса. Толкают
от столба до столба.

12.

Я мог бы дальше вытянуть сюжет,
и хэппи-энд придумать, и развязку...
Нечасто жизнь напоминает сказку.
Развязки нет. И хэппи-энда— нет.

Она ушла, укачивая боль,
со щёк стирая влажный след разлуки.
Он укатил, чтоб властвовать собой,
спасти себя от неслучайной скуки.

На шумном бале, посреди огней,
где так ревьёт оркестр, что слов не слышно,
он не был.

И она к нему не вышла.
Он не склонил колени перед ней.

Загадки нет. Судьба их развела.
Она и правда стала светской львицей.
А он в конце концов словил синицу:
жена, работа, прочие дела.

Но иногда, в тоске необычайной,
она— с вином, окурками соря,
ладонью гонит тень от фонаря.
«Жизнь удалась. Но скука— неслучайна».

И он порой, от седины белёс,
сидит один, не зажигая света.
И всё твердит услышанное где-то:
«Жизнь удалась...»
И не скрывает слёз.